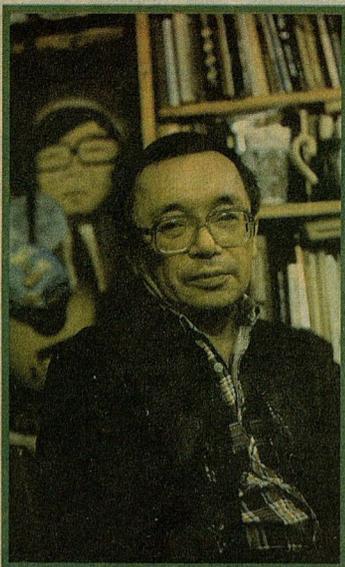

Когда-то Юлий Ким написал ядовитейшую из своих баллад — о Крысе, которая жила в морском порту Вальпараисо. Она благополучно доела бы все, что хранилось на портовых складах, да и город доела бы со временем, но тут явился Крысолов с дудкой — а Крыса, видите ли, любила музыку. И пошла за дудкой, и потонула, и ее не жаль. «Ибо — правду скажем смело — ты двух зайцев не лови: либо делай свое дело, либо музыку люби».

И еще одна злая песенка была у Кима. Про то, как он сделал открытие — открыл толковый словарь. И там прочел, что совесть — это нравственная категория, позволяющая отличать дурное от доброго. А вот что делать, если для победы добра надо соврать, или предать, или махнуть топором с последующим неизбежным разлетом щепок, — про это в словаре ничего не сказано.

В общем, понятно, почему я сегодня пошел к Киму, — да?

Собеседник - 1996 - № 42 - СЗ

— Юлий Черсанович, вам не стало казаться, что с совестью в политике делать нечего?

— Да Господь с вами! А Сергей Адамович Ковалев? А люди из его комиссии по правам человека?

— Много ли было проку от самопожертвования Ковалева во время чеченской войны? Лебедь все сделал гораздо быстрее...

— Ковалев не имел сотой доли тех полномочий, которые дали Лебедю. Иначе бы он еще быстрее и лучше все сделал. Иное дело, что для получения этих полномочий ему не хватило тактики и напора, потому что политика по большому счету — это искусство компромисса. И здесь с больной совестью действительно как-то не развернешься. А если вам нужен пример трезвого политика, прагматика и при этом интеллигентного человека, то все назовут одно имя, и вы это имя, как говорится, знаете.

— Сахаров?

— Нет, друг милый, Андрей Дмитриевич был человек очень благородный, но просчитывать свои ходы не умел и не любил. Разве что в самом начале. А то все тоже действовал на чистом самопожертвовании. Харизматическая была фигура, простите за употребление этого противного слова. Я имею в виду Гавела. Он умудряется сохранить репутацию порядочного и при этом волевого человека. Тут вам и поиск, и расчет, и компромисс. Политику часто приходится идти на внешне непростижительные действия ради большинства народа — например, порядочный человек Рабин пожал руку Арафату.

— А вы не пожалы бы?

— Ну, во всяком случае, я бы очень сильно подумал.

— Вы согласны, что интеллигентский период русского освободительного движения кончился?

— Давно кончился, с началом гласности. Если понимать гласность шире, чем публикация Солженицына. Инакомыслие как занятие себя исчерпало.

— Так я вот о чем: найдутся ли люди противостоять режиму, если завтра этот режим закрутит все гайки?

— Немедленно найдутся! Отовсюду ползут, и прежде всего из вашего брата. Я так всем и говорю: если хотите положить себя на алтарь отечества — идите в учителя либо в журналисты. Тут же вы все и начнете бороться да «Хронику текущих событий» выпускать...

— Ну да — потому что первыми за известные места возьмут нас.

— Совершенно справедливо.

— А все равно страшно, Юлий Черсанович! И вам, наверное, во время обысков было страшно? Я под судом натерпелся, честно скажу.

— Знаете, не так уж было страшно, вот парадокс. Потому что рядом были люди, которые уже успели пройти не только сталинские, но и брежневские лагеря. Все это было как-то рядом, знаете... и году в семьдесят вторым — семьдесят третьем я был не так уж и против, чтобы меня посадили. То есть я был готов. В шестьдесят девятом, на пике своей диссидентской активности, — не был, в семьдесят первом — не был, а в семьдесят втором посыпались Красин и Якир, и мне было интересно, посыплются ли я.

— Я вообще считаю, что нет такой идеи, за которую я бы решился пожертвовать свободой близкого человека!

— Тут сложная штука. Знаете, если я когда-нибудь буду писать мемуар

ЮЛИЙ КИМ:

С СОВЕСТЬЮ ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, А БЕЗ СОВЕСТИ — НЕВОЗМОЖНО

о своем диссидентском опыте, я надеюсь предпринять нечто вроде «Моста короля Людовика Святого» Горнтона Уайлдера, помните? Там катастрофа на мосту застает четверых людей в разные моменты их жизни, и во всем, что каждого привело на мост, была, оказывается, тайная логика. Так и с теми, кто вышел на площадь 25 августа 1968 года. Дремлюгу привело одно, Литвинова — другое, Ларису Богораз, как мы ее ни удерживали, — третье, а Горбаневская вообще пришла туда с коляской...

— Вот уж чего не понимаю! Это, по моему, даже и негуманно...

— А героизм и гуманизм вообще находятся в довольно сложных отношениях. Ей вот казалось, что если никто не выйдет, то это будет позор на весь народ, а значит, и на ней он будет тоже. Вполне прагматическое соображение, если угодно. Я недавно писал о том, что есть самосохранение дара, и я не знаю, как тут быть: если бы Высоцкий во всю мощь голоса спел о Праге? А если бы Пушкин пошел на Сенатскую? Что, хорошо было бы? Честно говоря: не знаю. Для себя я в шестьдесят девятом выбрал сочинительство. Взят за пуговицу Красина и Якира, отвел в сторонку и сказал: больше я писем подписывать не буду. Иначе все начинания Юлия Кима будут запрещаться. Поэтому же Юлию Киму пришлось стать Михайловым: я писал для Саратовского тюза мюзикл по «Недорослю» и, уже прожывая режиссера из Москвы, вспомнил, что мы так и не придумали мне псевдонима. Поезд тронулся, а я шел вдоль вагона и перебирал: Иванов-Петров-Сидоров... есть такие литераторы! А Михайлов? Михайловский был, а Михайлова как будто не было. Потом вспомнил, что существовал в прошлом веке такой поэт-переводчик, да поздно уже было менять.

— А мне теперь кажется, что все делалось сверху и не было большого толка от диссидентского движения... простите меня! Я с болью, с ужасом об этом говорю, — и со шкурным са-

мооправданием, ибо я ведь тоже терплю все, что здесь делается!

— Насчет толка — нет, этот тоннель рылся с двух сторон. Без диссидентов и сверху ничего бы не произошло, я уверен. А насчет шкурности — я в 1986 году, когда на душе было совсем тошно и уже я понимал, что все это фальшь, потому что никого из правозащитников не выпускали, — я тогда написал такой текст, полторы странички, о том, что я трус. Так и называлось — «Трус». Обо всех, кто знает и молчит. До сих пор с круглыми глазами смотрю на это собственное сочинение. Опубликовал его Кронид Любарский в «Стране и мире».

— Но чего же ради было себя в эту топку кидать!

— А вот Сергей Адамович кинул,

«Конечно, деньги не пахнут! это руки грязные пахнут! а само золото — благородный металл!»

хотя это и было самопожертвование в чистом виде! Вы, может, и правы в самом страшном: нечего с совестью делать в политике. Нечего. Вот и Сергею Адамовичу в ней сейчас ничего сделать не дают. Но жить без совести еще невозможней, вот тут и крутись.

В диссидентстве собрались очень разные люди, не было какого-то единого образа диссидента и соответственно конкретной позитивной программы. Откуда ей было взяться, если инакомыслиящими оказывались люди полярного происхождения: вот академик Сахаров, а вот Толя Марченко! Я думаю, что настоящим прагматиком в диссидентском движении был один Владимир Буковский. Остальные думали исключительно о том, как жить с клеймом молчания и знания. Поймите вы, нет такого подвига, который обязан совершить каждый че-

ловек! Никого я не осуждаю, каждый жил, как мог... но что ж нам из нашей грусости осуждать тех, кто совершил?!

— Когда ввели войска в Афганистан, сопротивление было очень мощное. А когда в Чечню? Почему этого не произошло?

— Какое сопротивление? Один академик Сахаров да несколько жалких протестов! А в случае Чечни это все-таки было довольно массовое и осознанное противостояние — правда, опять не на уровне народа. Народ действительно не возмутился так, как, скажем, в девяносто первом году. Но дело, я думаю, в ксенофобии. В отношении к чеченцам. Если бы сейчас надо было собрать многотысячный митинг в поддержку демократии — уверяю вас, он бы собрался.

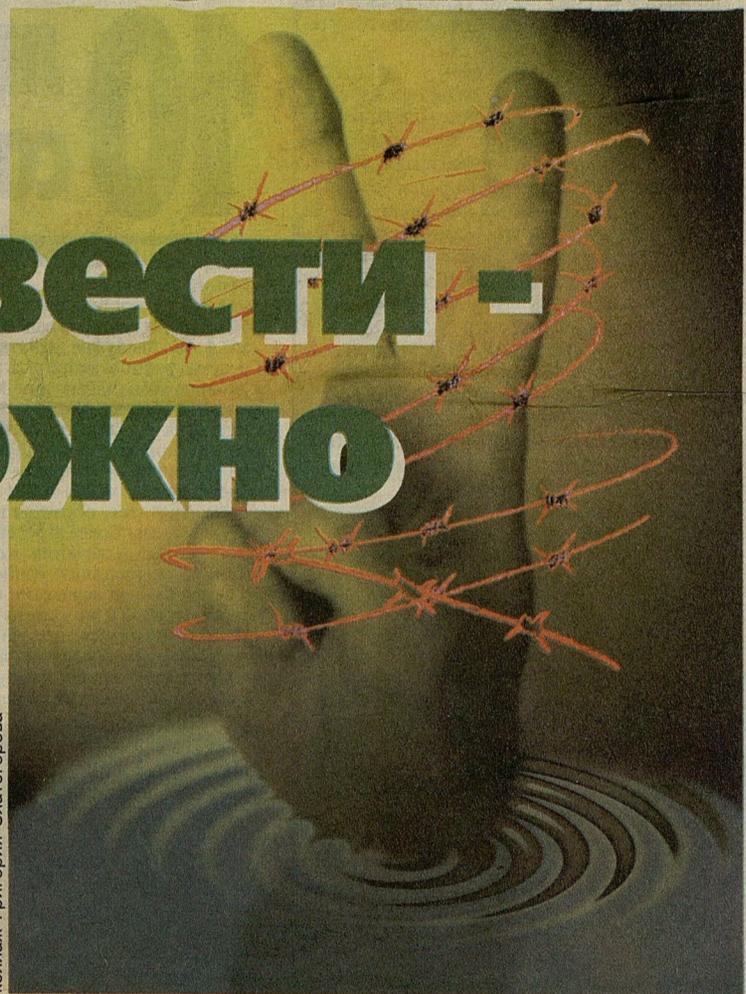
— Вот коль скоро мы решаем такие вопросы, скажите: есть ли что-нибудь третье, кроме тоталитаризма и беспредела? Если ты в чем-нибудь убежден, ты по определению тоталитарен. Для тебя есть неизблемые истины, моральные, например... А если ты свободен, то все для тебя относительно и все тебе можно.

— Я понимаю, о чем вы говорите,

носто третьего года был в том, что все на этом обожглись. Больше не повторится.

— Вам легко сегодня выживать — я имею в виду аспект чисто денежный?

— Вообще в девяносто первом году, когда все обвалилось, меня это несколько припекло. Пришлось снова оседлать гитару и поехать по стране с выступлениями, многие поющие поэты, давно зарабатывавшие литературой, тогда вынуждены были снова взяться за концерты, — и знаете, мне это большое удовольствие доставило! Я сейчас сочинил песенку, направленную в каком-то смысле против власти денег. Ставит Бородин в ЦДТ. Называется «Кисть Рафаэля». Там о том, как совсем не стало ни у кого денег — ни у певцов, ни у артистов, ни у учителей, — и там есть такой молодой художник, Рафаэль, он стал в отчаянии и ярости рисовать огромный сундук с золотом! Рисует и проносит пылкой такой монолог в честь денег, потому что без них жить невозможно. Рисует и кричит: конечно, деньги не пахнут! это руки грязные пахнут, через которые они проходят! а само золото — благородный металл! У художника, со-

коллаж Григория Златогорова

Но есть понятие, которое вбирает в себя все: и мораль, и свободу. Это культура. Она всех и помирит. Культура возможна только там, где есть иерархия, есть неизблемые ценности. Но в том-то и штука, что создавать эти ценности может только свободный человек! Так и идет этот вечный круговорот, с начала времен до их гипотетического конца: свободные люди создают ценности, утверждают их — всегда в борьбе и сопротивлении, — потом эти ценности отвердевают, из бунтарских превращаются в азбучные, а дальше их взрывают новые свободные люди! И опять пошло-поехало. Тоталитаризм и беспредел, в вашей терминологии, не исключают друг друга, они чередуются. Вот и у нас сейчас все помаленечку устаканивается, и пишущие люди вроде вас начинают тревожиться: как же! опять закручивают гайки! Художнику никогда не нравится стабилизация, он не вписывается в нее, и слава Богу! Лишь бы борьба происходила не на уровне судов за безнравственность, не на уровне процессов по поводу печатного слова, а исключительно в сфере идей.

— Вы не предвидите каких-то катаклизмов, связанных с борьбой за власть? Новых путчей, например?

— Мне кажется, единственный положительный эффект октября девя-

гласитесь, есть соблазн с голоду сказать такой монолог. А потом этот сундук на наших глазах материализуется, и начинаются приключения.

— Мы с друзьями любим цитировать вашу старую пьесу «Сказки Арденнского леса», где шут с Жаком-меланхоликом говорят о Боге. И шут выдает замечательную фразу: «Да, вера есть, — уверенности нет!» Как у вас с этим?

— Как и у шута. Мне только не нравятся, когда люди начинают креститься, думая этим обеспечить себе комфортное загробное существование. Сам я не крестился. Но о загробной жизни у меня есть одна, так сказать, догадка. Существует гипотеза, что человечество в своем развитии повторяет путь отдельного человека: в античности ему было три года, сейчас лет восемнадцать... Я вот думаю, что некоторые люди так навсегда и остаются трехлетними, десятилетними... Мы, может быть, потому ничего и не знаем о том, что с нами будет там, что в том мире бегает трехлетний Гитлер, пятилетний Сталин... понимаете? Жестокие дети, не понимавшие главных взрослых вещей. Каждый там будет в том возрасте, до которого здесь дорос.

Беседовал Дмитрий БЫКОВ.